

АДАПТИВНЫЙ ЭМПИРИЦИЗМ КАК КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

И. Е. Прись, с. н. с. Института философии НАН Беларуси,

доктор философии (PhD), к. физ.-мат. н.,

В рамках западной традиции считается, что «сами вещи», их подлинная глубинная суть, познаваемые наукой, скрываются за поверхностной и обманчивой видимостью явлений. Квантовая механика вступает в противоречие с таким взглядом и лучше всего может быть понята в рамках постклассической концепции научного знания как формализованного знания-как, отвергающей дуализм субъекта и объекта познания и репрезентационализм [1, 14]. Также и для Витгенштейна «нет ничего скрытого» (нем. *verborgen*) (§ 435 Философских исследований). В наших работах мы утверждали, что научное знание, сформулированное в виде устоявшейся научной теории, – витгенштейновское правило/норма (далее: *в-правило*) для «измерения» реальности в рамках языковых игр его применения – нормативных явлений [1]. Такая точка зрения позволяет также лучше понять роль сознания и квантовый холизм, сблизить западную и восточную философские традиции. В данной работе мы применяем наш подход для понимания адаптивного эмпирицизма (далее: *а-эмпирицизм*) Гуидо Бакиагалуппи, который представляет собой развитие и коррекцию антиралистического конструктивного эмпирицизма (далее: *к-эмпирицизма*) Бас ван Фраассена [2], [3–8].

Бакиагалуппи свою позицию тоже считает антиреалистической, так как она отвергает установку реалиста, что неэмпирические аргументы и объяснение – гид к истине. В частности, антиреалист, в отличие от реалиста, не считает, что наилучшее объяснение является истинным. В то же время Бакиагалуппи рассматривает свою позицию как промежуточную между *к-эмпирицизмом* и (научным) реализмом, между традиционным антиреализмом и реализмом. Различие между антиреализмом и реализмом проводится не только по вопросу о роли неэмпирических аргументов и объяснения, но и по вопросам о цели науки и принятии теории. Если для реалиста целью науки является установление истины о внешнем мире, выяснение того, каков мир на самом деле, и, соответственно, принятие теории означает принятие её как теории истинной, подразумевающее веру, что теория истинна, то для *к-эмпирициста* целью науки является «спасение» – описание и предсказание – явлений и, соответственно, принятие теории означает принятие её как теории эмпирически адекватной – вера в то, что теория адекватна. Бакиагалуппи делает шаг вперёд по сравнению с *к-эмпирицизмом* и утверждает, что целью науки является не только описание и предсказание явлений, но и выяснение того, что считать явлением, то есть какие явления считать подлинными, каким образом провести границу между подлинными (наблюдаемыми) явлениями и неподлинными (ненаблюдаемыми). Это различие у Бакиагалуппи не фиксировано раз и навсегда, а оказывается зависящим от теоретического и экспериментального контекста – ещё одно

принципиальное отличие от к-эмпирицизма. Таким образом, а-эмпирицизм Бакиагалуппи, так же как и к-эмпирицизм ван Фраассена, принимает основное различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми. Но в отличие от к-эмпирицизма, для а-эмпирицизма различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми, подлинными и неподлинными явлениями не фиксировано раз и навсегда, а зависит от контекста. Ещё одно отличие от позиции ван Фраассена состоит в более серьёзном и полном принятии теоретической нагрузки опыта (явлений) и роли измерительных инструментов, подразумеваемых теорией. Теоретически нагруженные явления, измеряемые инструментами (а не просто наблюдаемые невооружённым глазом, как это имеет место у ван Фраассена), рассматриваются как подлинные наблюдаемые явления. Бакиагалуппи показывает, что его подход позволяет более удовлетворительным образом трактовать проблему эмпирической недоопределённости теории. В то же время позиция Бакиагалуппи, как он сам признаёт, схематична и требует развития. По сравнению с ней мы делаем ещё один шаг в направлении реализма. Мы развиваем и корректируем а-эмпирицизм Бакиагалуппи в рамках контекстуального реализма (далее: к-реализма), согласно которому, целью науки является познание реальности, а научная теория – в-правило (норма) для её измерения в контексте. Это возврат к реализму, но не метафизическому, а витгенштейновскому по духу контекстуальному реализму [1; 9–11].

Итак, исходная интуиция ван Фраассена и Бакиагалуппи следующая: различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми играет важную эпистемическую роль. Это различие, однако, нечётко. Существует более глубокое различие, которое лишь приблизительно, но достаточно хорошо, схватывается различием между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми. Это различие между тем, что для нас важно, то есть тем, об истинности (корректности) чего мы заботимся, и тем, что для нас не важно, об истинности (корректности) чего мы не заботимся. Это различие между объектами (в широком смысле – сущностями), правильно судить о (свойствах) которых для нас важно, и объектами, правильно судить о которых для нас не важно. Различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми, утверждает Бакиагалуппи, – «присайзификация» (англ. *precisification* – уточнение) – способ избежать проблем, связанных с нечёткостью, – последнего различия.

Ван Фраассен догматически фиксирует различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми, которое, на самом деле, достаточно произвольно. К наблюдаемым у него относится лишь то, что может наблюдаться без помощи инструментов при нормальных условиях наблюдения в рамках нашего (человеческого) эпистемического сообщества. Бакиагалуппи делает шаг вперёд по сравнению с позицией ван Фраассена и утверждает, что более глубокое различие между тем, что для нас важно и тем, что не важно, зависит от теоретического и экспериментального контекста. Оно, таким образом, не фиксировано раз и навсегда. Как следствие, различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми также зависит от контекста. На самом деле, как легко видеть,

можно сделать вывод, что различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми – это различие между подлинными и неподлинными явлениями (феноменами). (Ненаблюдаемое «явление» не может считаться подлинным явлением. По определению.) Это последнее различие также вводит и Бакигалуппи. Возникает вопрос о том, что такое явление.

Бакигалуппи признаёт, что его а-эмпирицизм лишь схема и, в частности, следует определить понятие явления (феномена) и показать, что различие между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми имеет те характеристики, которые а-эмпирицизм ему приписывает. С этой целью Бакигалуппи предлагает «принять во внимание понятие теоретической нагрузки более полным образом и сказать, что наблюдаемо то, о чём теория говорит нам, что оно наблюдаемо, при помощи инструментов или без них» [2].

Мы опираемся на работы Жослена Бенуа и, в частности, на его анализ логики явления, который восходит к Платону, и определяем явление как измерение реальности в контексте при помощи нормы (которая сама укоренена в реальности, выработана в ней и имеет парадигматические случаи своего применения) [1, 10]. Применительно к философии науки мы трактуем теорию как норму, или «витгенштейновское правило» (в-правило), которое и определяет вид (природу) явлений, описываемых и предсказываемых теорией [1]. В науке явление – употребление теории (вместе с измерительными инструментами) как в-правила (нормы) для идентификации реальных объектов. Если применение в-правила относится к области его определения и к тому же корректно, явление подлинно. В противном случае оно иллюзорно. Применение в-правила/нормы, то есть явление, мы ещё называем языковой игрой (в самом деле, витгенштейновская языковая игра управляется правилом: (нормативное) явление – (нормативная) языковая игра.). Например, физическое явление – управляемая физической теорией как в-правилом языковая игра в рамках практики применения теории – её формы жизни.

У Бакигалуппи введённое нами различие соответствует различию между тем, о корректности чего мы заботимся и тем, о корректности чего, мы не заботимся. Отличие между нашей позицией и позицией Бакигалуппи в том, что понятие языковой игры предполагает укоренённость в «форме жизни» и реальности. Подлинная языковая игра и даваемый в её рамках объект контекстуальны и реальны. Зависимость от контекста – это, во-первых, зависимость самого в-правила (нормы), то есть вида явления, от выбора «формы жизни», если говорить в витгенштейновских терминах. Во-вторых, существует более конкретная контекстуальная зависимость в рамках фиксированной формы жизни – области применимости в-правила (нормы) [1]. Другими словами, корректно или нет то, о корректности чего мы заботимся, также зависит от контекста применения уже фиксированной нормы. В рамках нашего к-реализма зависящее от контекста и, в частности, от формы жизни, то есть от выбора теории (области её применимости), различие между наблюдаемыми и

ненаблюдаемыми удовлетворяет всем тем характеристикам, которые ему приписывает Бакиагалуппи.

Итак, зависимость от контекста – один из тех шагов вперёд, которые делает Бакиагалуппи по сравнению с позицией ван Фраассена и который позволяет сблизить его адаптивный эмпирицизм с нашим к-реализмом. Бакиагалуппи фактически указывает на то, что само понятие явления не абсолютно, не фиксировано раз и навсегда. В той или иной области мы можем рассматривать те или иные явления. На самом деле, это так и для ван Фраассена. Отличие между ними в том, что ван Фраассен полагает понятие явления чем-то само собой разумеющимся. Для Бакиагалуппи то, что следует рассматривать как подлинные явления в некоторой области исследования, сначала надо установить. В зависимости от того, какие явления мы хотим рассматривать, то есть что мы принимаем за явления, что важно для нас, что мы рассматриваем как наблюдаемое (так как явления и есть то, что наблюдаемо (или: то, что наблюдаемо, наблюдаемо в рамках явления)), мы выбираем ту или иную теорию. К-реализм, подобно конструктивному и адаптивному эмпирицизмам, утверждает, что нет абсолютных явлений. Для к-реализма, как мы уже сказали выше, всякое явление имеет нормативное измерение. Норма – как бы «зов реальности», позволяющий откликнуться на него и реализовать норму в том или ином контексте, а в случае революционных преобразований выработать и реализовать новую норму. Для а-эмпирициста оценка того, что он принимает за наблюдаемое или ненаблюдаемое, то есть какие явления он принимает за подлинные, а какие нет, играет роль в выборе теории. Для нас этот выбор невозможен без учёта теории. Нельзя сначала решить, что наблюдаемо, а затем выбрать теорию. Можно, однако, приблизительно очертить область явлений, в которой будет строиться теория и одновременно уточняться природа явлений. Например, если мы не верим, что можно преодолеть границу между подлунным миром и надлунным миром (см. пример ниже), если мы не верим, что в телескоп мы видим реальные объекты, а не образы чего-то, подлинную природу чего мы не можем знать, то все данные о космических объектах, которые мы получаем при помощи телескопов, будут рассматриваться как ненаблюдаемые. Наблюдаемыми будут считаться лишь оптические образы, видимые в телескопы, а не реальные объекты, которые (вместе с устройством телескопов) являются причиной их появления.

Таким образом, три различия (и соответствующие понятия), которыми оперирует Бакиагалуппи и которые он развивает – наблюдаемые vs ненаблюдаемые; то, что для нас важно vs то, что для нас не важно; подлинные явления vs неподлинные явления – отождествляются друг с другом и вписываются в рамки нашего контекстуального реализма (к-реализма). Можно сказать, что к-реализм – дальнейшее развитие а-эмпирицизма, о необходимости которого в заключении своей статьи говорит Бакиагалуппи.

Бакиагалуппи развивает свою точку зрения, отталкиваясь от проблемы эмпирической недоопределённости теории: различные теории могут одинаково

хорошо описывать одни и те же эмпирические данные. Для традиционного реалиста это проблема, так как возникает вопрос о том, онтология какой из этих теорий является реальной. При этом реалист не может допустить принципиальную ненаблюдаемость онтологии. Он предполагает, что дальнейшие исследования могут устранить теоретическую многозначность. Например, в 19 веке понятие атома играло чисто прагматическую роль. В начале 20 века, благодаря теории броуновского движения Эйнштейна и опытам Перрена, атомы приобрели статус реальных объектов, оказались наблюдаемыми. Электромагнитные волны, электрон, позитрон, кварки, гравитационные волны, чёрные дыры и другие объекты первоначально рассматривались как чисто гипотетические. В настоящее время они рассматриваются как реальные объекты. И все они для своего наблюдения требуют как применения соответствующей теории, так и употребления соответствующих инструментов наблюдения. К-эмпирицизм не принимает во внимание такого рода эволюцию, в результате которой первоначально чистые понятия приобретают субстанциальное содержание и превращаются в понятия, отсылающие к реальным объектам. Если с точки зрения позиции ван Фраассена все указанные объекты не наблюдаемы, поскольку они предполагают употребление инструментов, то а-эмпирицизм признаёт, что употребление инструментов не делает их ненаблюдаемыми.

Выше мы уже сказали, что позиция а-эмпирицизма является промежуточной между реализмом и антиреализмом. В частности, это проявляется в том, что в отличие от реализма, она удовлетворяет требованию эпистемической скромности. А-эмпирицист судит лишь о тех явлениях, которые наблюдаемы (но в более широком, чем у ван Фраассена смысле – наблюдаемость зависит от контекста, который может расширяться). Например, для эмпирициста в том случае, если различие между классическими гравитационными эффектами и гравитационными эффектами, связанными с кривизной пространства-времени не наблюдаемы, нет смысла делать предположения о реальности или нереальности ньютоновых сил или кривизны пространства-времени. Напротив, метафизический научный реалист и в этом случае задаётся вопросом о том, какова подлинная природа гравитационных эффектов – обусловлены они силами или же кривизной. С точки зрения нашего к-реализма позиция а-эмпирициста означает, что о реальных объектах имеет смысл говорить лишь в рамках «формы жизни», управляемой грамматикой (в-правилами), то есть в рамках устоявшейся практики применения теории. Реальность не ограничивается пределами данной формы жизни, но за её пределами не имеет смысла говорить и (и в этом смысле не существует) определённых объектов – онтологии. Онтология вторична и представляет собой концептуализированную часть реальности, опыта. К-эмпирицизм ван Фраассена и в большей мере а-эмпирицизм Бакиагалуппи частично (и лишь частично) принимают сказанное во внимание. В отличие от реалиста, а-эмпирицист, занимающий срединную позицию, не рискует, не заглядывает слишком далеко, то есть за пределы того, что наблюдаемо.

Фактически он отвергает абсолютную онтологию. О той или иной онтологии имеет смысл говорить лишь тогда, когда она в принципе наблюдаема.

Вообще вопрос о выборе позиции – реализм, анти-реализм, к-эмпирицизм, а-эмпирицизм и так далее – Бакиагалуппи рассматривает с точки зрения определения цели науки и принятия теории. Если для научного реалиста целью науки является познание внешней реальности – каковой она есть на самом деле, то есть истина как соответствие фактам, и, соответственно, принятие теории означает вера в то, что теория истинна, соответствует фактам внешнего мира, то для к-эмпирициста как разновидности анти-реалиста целью науки является «спасение явлений», то есть адекватное описание всех возможных явлений данного вида (относящихся к данной области исследования), а принятие теории означает веру (commitment) в то, что теория адекватна. Принципиальный момент в том, что для а-эмпирицизма Бакиагалуппи целью науки является не только спасение явлений, но также и выяснение того, что есть подлинное явление, то есть установление вида явлений, о которых можно поставить вопрос об их «спасении» – описании и предсказании. Это шаг вперёд по сравнению с подходом ван Фраасена. «Принятие теории означает убеждение, что теория описывает явления правильно в схожем двойственном смысле: теория корректно определяет, что есть явления, возможные наблюдения (в некоторой области), и она корректна относительно результатов таких возможных наблюдений» [2, р. 8]. Область, о которой здесь говорится, – область применимости (осмысленности) теории.

Более того, как уже было сказано выше, в отличие от ван Фраассена, Бакиагалуппи призывает отнестись более серьёзно к понятию теоретической нагрузки опыта. Он не отделяет употребление теории от употребления измерительных инструментов. Бакиагалуппи пишет: «Я думаю, что мы должны принять во внимание теоретическую нагрузку (theory-ladenness) более полным образом и сказать, что наблюдаемо то, о чём теория говорит нам, что оно наблюдаемо, при помощи инструментов или без них» [2, р. 9]. Это шаг вперёд по сравнению с ван Фраассеном, для которого к наблюдаемым относится лишь то, что наблюдаемо без помощи инструментов. Для Бакиагалуппи наблюдаемое может быть наблюдаемым и в случае наличия вспомогательных инструментов. Таким образом, любая теория, вводящая наблюдаемые величины (и способы их измерения), способна давать предсказания относительно этих величин как реально существующих. Граница между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми и, соответственно, между подлинными и неподлинными явлениями, подвижна, зависит от контекста, так как от контекста зависит граница между объектами, правильно судить о свойствах которых для нас имеет значение, и объектах, правильно судить о свойствах которых для нас не имеет значения. «Теоретическая нагрузка» опыта не мешает нам говорить о подлинных явлениях и истинности (корректности) тех или иных результатов измерения. Правда при этом следует соблюдать эпистемическую умеренность, не слишком рисковать, то есть не делать утверждений, относящихся к той области, в которой явления не

могут считаться подлинными. Бакиагалуппи не говорит, как это делаем мы, об идентификации реальных объектов в контексте. Вопрос о реальности он, как бы, оставляет в стороне. Реализм у него эпистемический – утверждающий (контекстуальную) объективность истины. Он также не анализирует само понятие теоретической нагрузки. Следуя Ж. Бенуа, мы отвергаем субстанциальный характер «теоретической нагрузки» и вообще предпочитаем не использовать этот термин, который, с одной стороны, может антиреалистически указывать на возможность произвольно конструировать опыт, а с другой стороны, может указывать псевдо-(и «гипер»)-реалистически (а на самом деле, опять же антиреалистически) на возможность буквальной реалистической интерпретации всех теоретических терминов или даже чисто математических величин. Вместо теоретической нагрузки мы говорим об идентификации опыта при помощи теории.

Возьмём, например, теорию гравитации Ньютона, утверждающую реальность гравитационных сил между массивными телами, и теорию Ньютона-Картана – геометрическую теорию, описывающую «те же» эмпирические эффекты классической гравитации, но утверждающую, что реальны не ньютоновские гравитационные силы, а кривизна пространства-времени. В рамках геометрического подхода классическая гравитация более естественным образом (структурно и онтологически) оказывается пределом (и даже частным случаем) общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна. Для к-эмпирициста вопрос о том, какая из двух теорий реальна не столь важен, как для реалиста. Главное для него в том, что обе теории описывают гравитационные явления. В то же время, поскольку для к-эмпирициста, теория должна описывать все возможные явления, дальнейшие исследования могут выявить, что одна из двух теорий описывает более широкий класс явлений. В таком случае она окажется предпочтительней. Для Бакиагалуппи дело обстоит более сложным образом. Вообразим, например, что теория Ньютона-Картана существовала во времена Ньютона, то есть до создания ОТО, и требовалось сделать выбор между двумя теориями. Предположим теперь, что дальнейшие исследования привели к созданию ОТО, которая описывает не только классические эффекты гравитации (в пределе), но и физические эффекты, связанные с кривизной пространства-времени. В этом случае к-эмпирицист отдал бы предпочтение теории Ньютона-Картана и, соответственно, сказал бы, что гравитационные силы не реальны, а реальна кривизна пространства-времени. Но предположим теперь, – говорит Бакиагалуппи – что развитие науки привело бы не к созданию ОТО, а созданию других геометрических теорий с кривизной, которые бы не учитывали поправки к классической теории гравитации, а также к созданию теории поля в плоском пространстве (Минковского), которая учитывала бы эти поправки. В этом случае к-эмпирицист отдал бы предпочтение теории Ньютона, а не теории Ньютона-Картана. И в этом случае вид (природа) рассматриваемых явлений была бы другая. При первом варианте развития событий подлинными явлениями считались бы явления кривизны (а не силы), описываемые при помощи

геометрической теории, тогда как при втором варианте развития событий подлинными явлениями считались бы явления гравитационных сил (полей), описываемые теорией Ньютона. Таким образом, в зависимости от теоретического и экспериментального контекста подлинными следует считать разные виды явлений. Для Бакиагалуппи природа наблюдаемых явлений зависит от контекста. Разрешение эмпирической недоопределённости требует и реалист. Но в отличие от реалиста, а-эмпирицист не утверждает однозначную реальность того или иного рода, а также не утверждает, что в том случае, когда неоднозначность сохраняется, одна из двух теорий является предпочтительней. Как мы уже сказали выше, при одном развитии событий более плодотворной и, следовательно, более предпочтительной, может оказаться одна теория, а при другом – другая. В случае же неопределённости нет нужды ставить вопрос о предпочтительной теории. Мы делаем шаг вперёд по сравнению с позицией Бакиагалуппи и утверждаем, что сама онтология зависит от контекста. То есть мы возвращаемся к реалистической позиции, но не абсолютистской, а контекстуальной. И теория Ньютона, и теория Ньютона-Картана могут считаться истинными в своих контекстах. В одном контексте реальны гравитационные силы, а в другом – кривизна пространства-времени. Как известно, ОТО эквивалентна теории гравитационного поля в пространстве Минковского. Это означает, что природа гравитации неоднозначна. Она может рассматриваться и как кривизна пространства-времени и как физическое поле в плоском пространстве-времени.

Собственно говоря, сам ван Фраассен в своих последних работах, как кажется, указывает в направлении развития а-эмпирицизма. Его понятие теории, основанной на опыте, подразумевает, что процедура измерения физической величины может считаться подлинной лишь в том случае, если она принимает во внимание теорию, которая эту величину содержит в качестве наблюдаемой. Подлинный опыт и измерение несут «теоретическую нагрузку» [6].

Рассмотрим ещё один пример. Галилей считал, что в телескоп он наблюдает реальные объекты надлунного мира (и тем самым он устранял аристотелевскую дихотомию надлунного и подлунного), тогда как последователи Аристотеля отказывались признать возможность преодоления кристаллической сферы между подлунным и надлунным мирами, и считали, что в телескоп наблюдаются лишь некоторым искусственным образом созданные образы, а не реальные объекты. Согласно а-эмпирицизму Бакиагалуппи, два подхода предполагали принятие разных теорий и, соответственно, исследование явлений, имеющих разную природу. Преимущество было отдано подходу Галилея, так как он оказался более плодотворным. Для анти-реалиста плодотворность имеет чисто прагматическую ценность. Бакиагалуппи и считает свою позицию антиреалистической в том смысле, что он, подобно антиреалистам, не признаёт, что успех в теоретическом объяснении – гид к истине. В то же время свой а-эмпирицизм он считает промежуточной между антиреалистическим к-эмпирицизмом и научным реализмом позицией. В

частности, он расширяет экспериментальный критерий реальности Хакинга, согласно которому реально то, чем можно манипулировать, или что играет роль, употребляется в манипулировании другими реальными объектами [12]. Если для Хакинга кварки не могут считаться реальными, поскольку, согласно теории сильных взаимодействий, они не могут существовать в изолированном виде (в отличие, например, от электрона), Бакиагалуппи указывает на то, что понятие явления, введённое Питером Галисоном – явление как нечто «непосредственное, стабильное и неподатливое» – применимо к кваркам [13, ch. 5]. При этом необязательно приписывать реальный статус всему тому, что современная теория сильных взаимодействий говорит о кварках.

Отметим, что как показал Галисон, несмотря на тесную связь между теорией и опытом, опыт имеет своё собственное, достаточно независимое от теории существование, так что одни и те же опытные данные могут сохраняться в процессе эволюции теорий. И действительно, многие физические величины, измеряемые на опыте, могут описываться одинаково хорошо в рамках разных теорий. Например, в некоторых случаях одни и те же опытные данные могут описываться (объясняться) как классической, так и квантовой теориями. Галисон приводит пример с гиромагнитным отношением электрона, величина которого одинакова в классическом электромагнетизме, квантовой теории Бора и нерелятивистской квантовой теории, но в два раза больше в релятивистской квантовой теории, описываемой уравнением Дирака. Наконец, в рамках квантовой электродинамики приходится принимать во внимание эффекты тонкой структуры (взаимодействие с виртуальными частицами) – гиромагнитное отношение оказывается незначительно отличающимся от двойки. Философ-релятивист скажет, что истина о гиромагнитном отношении относительна, зависит от точки зрения. С точки зрения нашего к-реализма она зависит от контекста. Так же, как от контекста зависят употребляемые физиками понятия. Понятие «электрон» (природа электрона) зависит от выбора теории и, соответственно, практики её применения. Классический электрон, квантовый нерелятивистский электрон, квантовый релятивистский (с точки зрения уравнения Дирака) электрон и электрон с точки зрения квантовой электродинамики – разные по своей природе «частицы», между которыми имеется витгенштейновское семейное сходство. Соответственно, характеристики электрона, например, гиромагнитное отношение, тоже зависят от контекста (хотя в некоторых контекстах они могут оставаться неизменными). Нерелятивистское и релятивистское гиромагнитное отношения – разные физические величины. Поэтому их измерения приводят к разным значениям. Проблемы возникают в результате абсолютизации понятий, в частности, понятий «электрон», «гиромагнитное отношение».

Классическим историческим примером абсолютизированного понятия является понятие эфира. Именно поэтому специальная теория относительности (СТО) Эйнштейна отвергла понятие эфира, то есть просто не ввела его в употребление. Речь идёт именно о понятии, а не субстанции. СТО не

утверждает, что эфир не существует. Вопрос об эфире не ставится вообще. Отрицать существование эфира означало бы признать, что в принципе он мог бы существовать, что само понятие имеет смысл. Аналогичным образом, отрицать наличие свойств у реальности как таковой – признавать, что имеет смысл говорить о свойствах реальности как таковой; отрицать существование реальности, как это делает антиреалист, и утверждать существование реальности, как это делает реалист, – занимать абсолютистские (метафизические) позиции, которые, на самом деле, бессмысленны. Однако, в рамках фиксированной формы жизни, имеющей грамматику, можно отрицать или утверждать существование тех или иных сущностей, реальных объектов того или иного вида (но не реальности как таковой), в том числе и эфира. С другой стороны, абсолютистская метафизика играет свою положительную роль. Если бы вопрос о реальном существовании эфира вообще не был поставлен, не было бы эксперимента Майкельсона-Морли и не было бы прогресса от теории Лоренца, вводящей понятие эфира, к СТО Эйнштейна. Метафизические утверждения и отрицания играют свою роль, хотя, в конечном итоге, они объявляются бессмысленными и устраняются. Это та витгенштейновская лестница, которая помогает достигнуть требуемый результат и которую, в конечном итоге, следует отбросить.

Адаптивный эмпирицизм Г. Бакиагалуппи корректирует конструктивный эмпирицизм Бас ван Фраассена. В данной работе мы утверждаем, что следует сделать ещё один шаг в сторону от антиреализма ван Фраассена в направлении реализма и скорректировать (или интерпретировать реалистически) сам адаптивный эмпирицизм Бакиагалуппи. «Адаптивный эмпирицизм» может быть понят как контекстуальный научный реализм – позиция (или «контекстуальный эмпирицизм»), которую мы отстаиваем. То есть подлинная, а не формальная, контекстуализация – контекстуализация как выявление реальных условий употребления понятий – не только позволяет проложить «срединный путь» между традиционными метафизическими реализмом и антиреализмом, но и сблизить различные позиции, которые оставаясь метафизическими, то есть абсолютизированными, содержат лишь «долю истины». В частности, с нашей точки зрения, наблюдаемое (эмпирическое данное, явление), то есть то, подлинность (корректность) чего имеет для нас значение, есть реальный объект (подлинное явление), идентифицируемый в контексте при помощи теории, подразумевающей употребление инструментов измерения, и понятой как измеряющее реальность витгенштейновское правило/норма. Реальный объект (эмпирическое данное) идентифицируется в рамках физического явления употребления теории-нормы, то есть имеющей нормативное измерение языковой игры. Мы определяем различие между наблюдаемым (тем, что имеет значение, важно для нас) и ненаблюдаемым (тем, что не имеет значения) как различие между тем, что относится к «нашей» (данной) форме жизни – практике применения (области определения) теории – и тем, что к ней не относится. нас не интересует то (не имеет смысла говорить о том), что не относится к области

определения выбранной нормы (теории). С нашей точки зрения, о «теоретической нагрузке» опыта (данного, явления) имеет смысл говорить лишь в том смысле, что теория требуется для его идентификации, описания. Но речь не идёт о непреодолимой метафизической корреляции теории и опыта, не позволяющей получить доступ к опыту как таковому и самим вещам, с одной стороны, и смыслу как таковому (теории как таковой), с другой стороны. В рамках контекстуального реализма мы также решаем проблему эмпирической недоопределённости теории. Поскольку выбор теории определяет тип наблюдаемых явлений, в случае так называемой «эмпирической недоопределённости» мы, на самом деле, имеем дело с разными явлениями, эмпирическими данными, соответствующими разным теориям. Онтология контекстуальна и, в частности, зависит от выбора теории.

Литература

1. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. Алетея, 2020. – 345 с.
2. Bacciagaluppi, G. Adaptive Empiricism / G. Bacciagaluppi // Lost in Physics and Metaphysics – Questioni di Realismo Scientifico (Istituto Lombardo Accademia di Scienze e Lettere) / eds.: G. M. D’Ariano, A. Robbiati Bianchi, S. Veca. – Milano, 2019. – P. 99-113.
3. van Fraassen, B. C. The scientific image / B. C. van Fraassen. – Oxford: Oxford University Press, 1980.
4. van Fraassen, B. C. Constructive empiricism now / B. C. van Fraassen // *Philosophical Studies*. – 2001. – 106. – P. 151–170.
5. van Fraassen, B. C. The empirical stance / B. C. van Fraassen. – New Haven & London: Yale University Press, 2002.
6. van Fraassen, B. C. Modelling and measurement: the criterion of empirical grounding / B. C. van Fraassen // *Philosophy of science*. – 2012. – Vol. 79. – P. 773-784
7. van Fraassen, B. C. Misdirection and Misconception in the Scientific Realism Debates / B. C. van Fraassen // *Varieties of Scientific Realism: Objectivity and Truth in Science* / E. Agazzi E. (ed.). – Switzerland: Springer, 2017. – P. 95-108.
8. van Fraassen, B. C. Reflections on a classic in scientific realism, 20 years later / B. C. van Fraassen // *Metascience*. – 2018. – 28. – P. 13–21.
9. Benoist, J. Making ontology sensitive // *Cont. Philos. Rev.* – 2012. -Vol. 45. - P. 411-424.
10. Benoist, J. *Logique du phénomène* / J. Benoist. – Paris: Hermann, 2016.
11. Benoist, J. *L’adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017.
12. Hacking, I. Experimentation and Scientific Realism /I. Hacking // *Philosophical Topics*. – 1982. – 13. – P. 71–87.
13. Galison, P. *How Experiments End*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

14. Bitbol, M. A phenomenological ontology for physics. Merleau-Ponty and QBism // eds.: H. Wiltsche, P. Berghofer. Phenomenological approaches to physics. Springer, 2020.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИЛА ЧУВСТВА КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

*Р.Р.Каримов, к.ф.н.доц.
НУУз*

*Р.Р.Бекбаев, магистрант
НУУз*

Экзистенция для каждого человека является особенной силой его внутренних чувств, способных качественно отразиться на его жизни в обществе. И, как известно, экзистенциализм, будучи масштабным и разноплановым философским течением, в качестве основополагающей проблемы выдвигает индивидуальное существование человека. Однако для полноценного анализа экзистенциального аспекта взаимосвязи человека и его жизни, необходимо уделять тщательное внимание и индивидуальным чувствам индивида, благодаря которым жизнь человека в качестве экзистенциального существа способна естественным образом переливаться особыми оттенками его бытия. Согласно утверждению М. Мерло-Понти, «каждое «чувство» — это некоторый «мир», то есть абсолютно непередаваемый другим чувствам, и, тем не менее, он конструирует нечто, которое благодаря своей структуре является с самого начала открытым миру других чувств и образует вместе с ними одно единственное бытие» [15, с. 295]. Следовательно, как полагает далее французский философ, именно «чувствование есть не что иное, как жизненное сообщение с миром, которое делает для нас мир привычным местом нашей жизни» [16, с. 85], благодаря чему, человек получает полноценное право актуализироваться в обществе. Следовательно, по своему социальному содержанию, чувства представляют собой субъективное отношение человека к различным сторонам общественного бытия – к самому себе, к другим людям, отдельным явлениям общественной жизни, обществу в целом.

Необходимо также всегда помнить и о том, что воспитание чувств – есть одновременно формирование интеллекта и житейской мудрости. В процессе всей жизни важно уже с ранних лет активно проявлять способность к сопереживанию, к проявлению добрых, положительных чувств, самоотдаче, социальной активности. Нужно всегда помнить и о том, что если не открыть человеку мир добрых и сильных чувств, то он будет расти равнодушным эгоистом, чья жизнь будет обыденной, бесцветной, лишённой всего прекрасного, что есть в нашем насыщенном мире.

М. де Унамуно однозначно определяет то, что «есть один мир, мир чувственный, дитя голода, и есть другой мир, мир идеальный, дитя любви. И так же как есть чувства, служащие познанию чувственного мира, существуют